

В диссертационный совет ПДС 0900.008
Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

Почтовый адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д. 6.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**доктора юридических наук, профессора Сергея Николаевича Бабурина
на диссертацию Саудаханова Марата Вильдановича на тему:
«Человек в социальном и экономическом строе России:
конституционно-правовое исследование», представленную на соискание
ученой степени доктора юридических наук по специальности
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки**

Задача науки, как известно, осмыслить и предложить оптимальный путь улучшения жизни людей и народов, смоделировать политические, правовые и социальные модели необходимых для этого государства и общества, разобраться со смыслами явлений и институтов. Уже именно в силу этого диссертационное исследование Марата Вильдановича Саудаханова исключительно актуально и значимо.

1. Актуальность темы диссертационного исследования

Актуальность диссертации М.В. Саудаханова не вызывает сомнений и обусловлена комплексом факторов теоретического, нормативного, правоприменительного и цивилизационного характера.

Во-первых, конституционная реформа 2020 г. внесла в Основной Закон России изменения, которые многие исследователи справедливо называют «тихой конституционной революцией». Помимо перераспределения полномочий между ветвями и уровнями публичной власти, реформа затронула ценностно-мировоззренческие основы конституционного строя. Статьи 67.1 и 75.1 впервые в российской истории конституционно закрепили такие категории, как «память предков», «идеалы», «вера в Бога», «историческая преемственность», «социальная солидарность», «баланс прав и обязанностей», «публичное доверие». Эти новеллы не являются декларативными – они непосредственно влияют на толкование всех иных конституционных норм, задают новые ориентиры для законодателя и правоприменителя. Однако, как убедительно показывает диссертант, их доктринальное осмысление находится лишь в начальной стадии. Предлагаемая автором концепция социального и экономического строя как целостной

конституционной ценности, интегрирующей в себя духовно-нравственное измерение, является своевременным ответом на этот теоретический запрос.

Во-вторых, актуальность исследования резко возрастает в контексте глобального перехода от классической либерально-демократической модели государственности к технократической (технодемократической) парадигме. Внедрение систем искусственного интеллекта в публичное управление, кредитный скоринг, риск-ориентированные модели надзора, «умные города» – все это создает не только новые возможности для оптимизации, но и беспрецедентные риски для правового статуса личности. Как справедливо отмечает автор, эти риски включают: а) алгоритмический произвол, когда решение, затрагивающее права собственности или свободы человека, фактически принимается непрозрачным «черным ящиком»; б) «цифровую предопределенность», когда прошлые ошибки или особенности личности, зафиксированные в цифровом следе, предопределяют будущие возможности индивида, лишая его права на «второй шанс»; в) размывание антропоцентрического ядра права, когда человек начинает оцениваться не по своему достоинству, а по утилитарной «эффективности» для системы. В этих условиях выработка опережающих конституционно-правовых механизмов защиты человека, его права собственности, достоинства и цифровой идентичности становится не просто научной, а экзистенциальной задачей. Диссертант предлагает один из первых в российской науке системных ответов на этот вызов, что определяет высокую актуальность работы.

В-третьих, практическая актуальность диссертации подтверждается данными статистики: за период с 2022 по 2025 год количество дел, рассмотренных Конституционным Судом РФ по вопросам частной собственности, выросло с 48,5 до 168 дел в год; 24,6% всех обращений в Суд в 2025 году касались конституционного статуса личности. Одновременно автор фиксирует сохраняющийся дисбаланс между конституционными принципами социального государства и реальным уровнем бедности (по официальным данным Росстата, за чертой бедности в 2024 г. находилось 17,7 млн человек, или 12,1% населения), а также низкую эффективность механизмов социальной солидарности и партнерства. Эти эмпирические данные убедительно обосновывают востребованность научного анализа и предложений *de lege ferenda*, содержащихся в диссертации.

В-четвертых, актуальность работы определяется ее мировоззренческим и цивилизационным измерением. В условиях глобального кризиса ценностей, размывания традиционных нравственных ориентиров и нарастающей технократической рациональности обращение к категориям надпозитивного права, духовно-нравственной солидарности и конституционной идентичности приобретает не только академическое, но и политико-правовое значение. Автор убедительно показывает, что игнорирование этих измерений или их сведение к

сугубо декларативным положениям делает конституционные гарантии уязвимыми перед лицом технологического детерминизма и «алгоритмического позитивизма». Напротив, их концептуализация и операционализация в правовой системе создает прочный фундамент для защиты человеческого достоинства в цифровую эпоху.

2. Достоверность и новизна результатов диссертации

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена успешным применением апробированной методологии, включающей общенаучные (диалектика, анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, герменевтический) методы. Особого упоминания заслуживает использование автором метода герменевтического анализа конституционного текста, позволившего выявить глубинные смысловые слои ст. 67.1, 75.1, ч. 4 ст. 75, ч. 2 ст. 67.1 (о вере в Бога) и их взаимосвязь с иными конституционными положениями. Также следует отметить комплексный анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции, что обеспечило эмпирическую обоснованность выводов.

Научная новизна диссертации является исключительно высокой и проявляется по нескольким направлениям.

Первое направление – разработка концепции социального и экономического строя как целостной конституционной ценности. В отличие от фрагментарных подходов (рассмотрение экономической основы изолированно от социальной, или социального государства без увязки с экономической свободой), автор убедительно обосновывает, что эти два элемента образуют неразрывное единство, а человек является их интегративным центром. Диссертант выявляет иерархию принципов внутри экономической основы (признавая первичность принципов многообразия и равенства всех форм собственности по отношению к принципам единства экономического пространства и свободы конкуренции), что имеет принципиальное значение для преодоления редукционистского толкования ст. 8 Конституции.

Второе направление – обоснование диалектической природы неизменяемости конституционных принципов. Автор вводит различие статической (формальной) неизменности, относящейся к «ядерной сути» принципа (название, сердцевина), и динамической (содержательной) изменяемости, относящейся к нормативному наполнению. Эта теоретическая модель позволяет объяснить, как при формальном сохранении текста ст. 2 и ст. 7 Конституции их содержание может эволюционировать через конституционные поправки (ст. 67.1 дополняет ст. 2) и судебное толкование. Тезис о том, что «чем значительнее социально-экономические преобразования, тем активнее происходит содержательное обновление принципов, а их динамично развивающееся содержание постепенно

«подтягивается» к уровню их обобщающего названия», является оригинальным вкладом в теорию конституционного права.

Третье направление – выявление фазового перехода к технократической (технодемократической) модели государственности. Автор не просто констатирует этот переход, но и раскрывает его системообразующие признаки: концентрация властных прерогатив в экспертно-профессиональных группах, экспоненциальный рост влияния ИИ, функциональное замещение человека, редукция его правового статуса. На этой основе диссертант предлагает концепцию «правового щита» человека от алгоритмического произвола, включающего принципы примата человека перед ИИ, запрета делегирования властных полномочий ИИ и презумпции недоверия к алгоритму. Предложение о закреплении принципа технодемократии («окончательные решения... не могут приниматься исключительно на основе автоматизированной обработки данных...») является своевременным и может лечь в основу будущего регулирования.

Четвертое направление – актуализация надпозитивного права и духовно-нравственных ценностей как конституционных категорий. Диссертант убедительно показывает, что положения о нравственности, справедливости, вере в Бога, исторической преемственности, содержащиеся в Преамбуле, ст. 23, 34, 39, 55, 67.1, 75, 75.1 Конституции РФ, не являются декоративными. Они (в широком понимании) образуют самостоятельный регулятивный слой – надпозитивное право, выступающее источником права позитивного. Автор аргументирует это ссылками на правовые позиции Конституционного Суда РФ, который неоднократно признавал нравственность в качестве конституционно значимого основания для ограничения прав (постановления 2024 г. № 53-П, № 54-П). Раскрывается также значение упоминания «веры в Бога» в ч. 2 ст. 67.1: это не означает установления государственной религии, но признает православную и иные традиционные религии частью культурно-исторического наследия, источником нравственных ориентиров для социальной солидарности. Данный вывод является деликатным, но юридически выверенным и имеющим важное практическое значение.

Пятое направление – предложение конституционной модернизации понятия «имущество» через закрепление его «гибридной природы». В условиях цифровой экономики классическая конструкция вещного права (*dominium*) обнаруживает свою ограниченность. Автор предлагает на конституционном уровне (ст. 35) закрепить право на данные, генерируемые объектом собственности, и на его цифровое отображение, а также запретить их использование третьими лицами без согласия собственника иначе как по судебному решению с возмещением. Это радикально меняет баланс сил между собственником материального актива и операторами цифровых платформ, а также государством, которое все чаще

использует данные «в публичных интересах» без компенсации. Данное предложение носит опережающий характер и вписывается в мировые тренды «data as property».

Шестое направление – разработка авторской периодизации эволюции регулирования правового статуса человека в социально-экономической сфере. Эта периодизация (недифференцированный коллективизм – секулярный индивидуализм – институционализированная солидарность) имеет не только историографическое, но и прогностическое значение, позволяя увидеть в современном этапе не просто возврат к коллективистским ценностям, а качественно новый синтез, основанный на развитых институтах гражданского общества, диалоге с публичной властью и ценностном ренессансе.

Седьмое направление – обоснование конституционного дефицита социальной функции частной собственности в России. На основе сравнительного анализа (Германия, Италия, Греция, Румыния, Испания) автор доказывает, что российская Конституция не закрепляет социальную функцию собственности в качестве прямой обязанности собственника, в отличие от многих зарубежных конституций. Лингвистический анализ поправок 2020 г. подтверждает: термин «социальный» употреблен 15 раз, но только в отношении государства. Это, по мнению диссертанта, является пробелом, который должен быть восполнен.

В целом, научная новизна диссертации является несомненной и соответствует самому высокому уровню докторского исследования.

Помимо уже перечисленных достоинств, следует отметить следующие положительные моменты.

1. Автор не ограничивается современностью, а прослеживает эволюцию социальной солидарности и права частной собственности от античности до наших дней. При этом он не просто перечисляет факты, а выявляет закономерности: переход от политеизма к монотеизму как фактор формирования универсальной этики; роль христианства и ислама в развитии благотворительности; значение реформ Александра II и Столыпина для формирования социального законодательства. Особый интерес представляет анализ дореволюционной благотворительности, которая, по мнению автора, была основана на добровольной нравственной обязанности, а не на государственном принуждении, и которая может служить ориентиром для современной России.

2. Диссертант не просто цитирует постановления, а проводит их систематизацию, выделяет этапы эволюции (буквальное толкование – интеграция международных стандартов – закрепление партнерской модели), выявляет противоречия (например, между Определением № 1539-О 2015 г. и более поздними актами). Такой подход демонстрирует высокую исследовательскую культуру и

позволяет сделать выводы о реальном, а не декларативном содержании конституционных принципов.

3. В отличие от многих теоретических работ, ограничивающихся предложениями по изменению материального права, диссертация уделяет большое внимание процессуальным гарантиям: реверс бремени доказывания, право на апелляцию к человеку, право на объяснение, приостановление алгоритма Омбудсменом. Это делает предложения автора практически реализуемыми.

4. Автор не пытается ввести теократию или подменить право религиозными нормами. Он обоснованно утверждает, что в светском государстве (ст. 14 Конституции) религиозные нормы могут признаваться в качестве источника нравственных ориентиров, влиять на воспитание и социальную солидарность, но не могут подменять собой закон. Такой подход является юридически корректным и социально приемлемым.

5. Диссертация содержит два приложения с подробным анализом постановлений Конституционного Суда РФ по вопросам частной собственности и социально-культурных прав, что является ценным справочным материалом и подтверждает эмпирическую базу исследования.

3. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Все научные положения, выводы и рекомендации, представленные в диссертации, являются в высокой степени обоснованными. Аргументация автора отличается логической стройностью, эмпирической насыщенностью и теоретической глубиной.

Особо следует отметить обоснованность ключевого для всей работы тезиса о диалектическом единстве стабильности и динамизма конституционных принципов. Диссертант не ограничивается декларацией, а детально рассматривает механизм этого единства на примере принципа социального государства (ст. 7). Он показывает, что формальное наименование принципа осталось неизменным, но его содержание было кардинально конкретизировано через три блока конституционных поправок (расширение полномочий РФ по ст. 71, закрепление социальных гарантий в ст. 75, введение принципов солидарности и партнерства в ст. 75.1). При этом автор справедливо подчеркивает, что содержание принципа, в силу его закрепления в главе 1, обладает повышенной «нормативной долговечностью» и выступает пределом для любых последующих модификаций. Такой подход позволяет снять противоречие между формальной неизменяемостью основ конституционного строя (ст. 16, 135) и их реальной эволюцией через поправки и толкование.

Не менее обоснованным является вывод о примате человека в системе «государство – общество – человек» после поправок 2020 г. Автор показывает, что

ст. 75.1, закрепляя цели создания условий для устойчивого экономического роста, взаимного доверия, баланса прав и обязанностей, социального партнерства и солидарности, не просто декларирует новые задачи государства, но и имплицитно признает человека не пассивным реципиентом социальных благ, а активным соучастником их производства. Этот вывод подтверждается анализом уставов общественных объединений (РСПП, профсоюзы), где нравственные обязанности членов гармонично сочетаются с правовыми нормами, а также анализом практики социального партнерства (трехсторонние соглашения).

Особого внимания заслуживает обоснование автором концепции «правового щита». Диссертант не просто предлагает запретить делегирование властных полномочий ИИ, но и детально разрабатывает процессуальные механизмы: а) «человек в цикле» (окончательное решение за уполномоченным должностным лицом); б) максимальная объяснимость и оспоримость алгоритмического решения; в) персональная ответственность должностного лица, подписавшего решение. Эти предложения опираются на анализ зарубежных подходов (Европейский AI Act, GDPR, принципы «right to explanation»), а также на правовые позиции Конституционного Суда РФ о правовой определенности и состязательности. Автор также предлагает реверс бремени доказывания в спорах, возникших из решений, принятых с использованием ИИ, что является логичным и справедливым, учитывая асимметрию доступа к доказательствам. Данные предложения имеют прочную теоретическую базу и могут быть немедленно использованы в законотворческой работе.

Обоснованность вывода о конституционном дефиците социальной функции частной собственности подкреплена не только сравнительным анализом, но и лингвистическим (подсчет употребления термина «социальный» в поправках 2020 г.) и доктринальным (отсутствие единой позиции в науке, доминирование подхода В.Д. Зорькина, связывающего социальную функцию не с обязанностями собственника, а с деятельностью государства) анализом. Предлагаемые автором изменения ст. 35 Конституции и ст. 209 ГК РФ являются сбалансированными: они не отрицают частную собственность, а лишь устанавливают, что ее содержание может ограничиваться социальной функцией в соответствии с законами, и детально регламентируют условия принудительного отчуждения (исключительные случаи, публичные интересы, судебный порядок, полное возмещение). Это соответствует мировой практике и правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Наконец, обоснованность обращения к надпозитивному праву подтверждается не только философско-правовыми аргументами (отсылка к И.А. Ильину, П.И. Новгородцеву, Б.Н. Чичерину), но и анализом современной судебной практики. Диссертант приводит примеры, когда Конституционный Суд РФ прямо ссылаясь на нравственность как на конституционно признанное основание для ограничения

прав (постановления 2024 г. № 53-П, № 54-П). Кроме того, анализ уставов религиозных организаций (РПЦ, мусульманских общин) и их социальных концепций показывает, что нормы религиозной этики (заповеди) активно используются в социальном регулировании, а государство, сохраняя светскость, признает их значение для воспитания и социальной солидарности (ст. 87 ФЗ «Об образовании»). Таким образом, надпозитивное право не является умозрительной конструкцией, а представляет собой реально действующий слой правовой реальности, что убедительно доказано автором.

4. Ценность для науки и практики результатов работы

Теоретическая ценность диссертации является исключительно высокой и многогранной.

- Автор вносит существенный вклад в понимание природы конституционных принципов, обосновывая их диалектическое единство стабильности и изменчивости, что позволяет преодолеть узость как позитивистского (принципы – это только то, что написано), так и естественно-правового (принципы неизменны и абсолютны) подходов. Это имеет фундаментальное значение для теории конституционного права.

- Работа предлагает не просто описание признаков социального государства, а концептуальную модель перехода от патерналистского государства-благодетеля к партнерской модели, основанной на субсидиарности и солидарности. Автор показывает, что этот переход закреплен в конституционных поправках 2020 г. и нуждается в дальнейшей законодательной конкретизации.

- Диссертант на высоком монографическом уровне разработал систему конституционно-правовых механизмов защиты человека от алгоритмического произвола. Исследуемые им понятия «правовой щит», «технодемократия», «цифровое достоинство», «реверс бремени доказывания» и сделанные выводы имеют высокий эвристический потенциал и могут быть использованы в рамках активно развивающейся новой отрасли конституционного права.

- Работа вносит вклад в преодоление юридического позитивизма и обоснование интегративного правопонимания, показывая, что нравственные и религиозные нормы, закрепленные прямо или косвенно в Конституции, обладают регулятивной силой и могут служить критерием конституционности законов. Это имеет значение не только для конституционного права, но и для теории права в целом.

- Автор обосновывает, что категории «достоинство», «справедливость», «солидарность», «вера», «память предков» являются не просто этическими, но и конституционно-правовыми ценностями, которые должны учитываться при толковании и применении права.

Практическая значимость работы также является несомненной и проявляется в нескольких плоскостях.

- Предложения автора по внесению изменений в Конституцию РФ (о гибридной природе собственности, о принципе технодемократии, о социальной функции собственности) могут быть использованы при подготовке соответствующих законопроектов. Предложения о создании института Омбудсмана по этике ИИ, о введении персональных образовательных счетов, о квотировании «человеческих» профессий также имеют высокий практический потенциал и могут быть реализованы как на уровне федеральных законов, так и в рамках подзаконного регулирования или пилотных проектов.

- Разработанные автором подходы к реверсу бремени доказывания в спорах, основанных на алгоритмических решениях, а также критерии оценки добросовестности налогоплательщика и разумности его действий, могут быть востребованы судами (включая Конституционный Суд РФ) и налоговыми органами. Правовые позиции, сформулированные в диссертации, могут быть использованы при подготовке обзоров судебной практики.

- Материалы диссертации могут лечь в основу спецкурсов «Конституционно-правовые проблемы цифровой трансформации», «Социальное государство в России: новые конституционные параметры», «Право и искусственный интеллект», «Конституционная аксиология» для магистрантов и аспирантов. Важно отметить, что уже сейчас автор ведет авторский курс «Конституционные основы экономического строя Российской Федерации», что подтверждает внедрение результатов в учебный процесс.

- Предложения по гармонизации локальных нормативных актов (уставов, кодексов этики) общественных объединений с государственным законодательством, а также по развитию механизмов социального партнерства (трехсторонние соглашения) могут способствовать повышению эффективности саморегулирования и корпоративной ответственности.

5. Подтверждение апробации результатов исследования

Автором опубликовано 90 научных работ, среди которых 3 монографии (в том числе 2 авторские), 2 учебных пособия, 69 статей в журналах, включенных в Перечень ВАК при Минобрнауки России, 1 статья в издании, индексируемом в базе Scopus. Тематика публикаций полностью соответствует теме диссертации, охватывает как общетеоретические вопросы (понятие социального и экономического строя, принципы конституционного строя, надпозитивное право), так и специальные (социальная функция собственности, правовые позиции КС РФ, механизмы защиты от ИИ, конституционные обязанности, налоги). Публикации

автора цитируются в научной литературе, что свидетельствует об их признании. Таким образом, требование о публикации основных результатов выполнено.

6. Соответствие содержания автореферата основным положениям диссертации

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. В нем отражены все ключевые положения, выносимые на защиту, основные выводы и рекомендации. Структура автореферата (введение, четыре главы, заключение) логична и соответствует структуре диссертации. Стил ь изложения лаконичен, но информативен. Особо следует отметить, что в автореферате должное внимание уделено таким важным и новаторским аспектам работы, как духовно-нравственно-правовой подход, надпозитивное право, технократические вызовы, «правовой щит», предложения по конституционной модернизации. Объем автореферата соответствует установленным требованиям. Содержание автореферата дает полное представление о проделанной работе, ее актуальности, новизне, теоретической и практической значимости.

7. Замечания по работе

Высокий научный уровень любой диссертации в целом не ограждает её от недостатков и положений дискуссионного характера.

1. Формально-юридически аргументируя фазовый переход от классической модели устройства государства и общества в сторону технократической (технодемократической) парадигмы (п. 5 положений, вынесенных на защиту), автор не учитывает духовно-нравственную сторону социального развития, роль духовно-нравственных архетипов народа, что особенно ярко выразилось в сформулированных авторских императивах. Отсюда возникает недоверие к авторской критике позитивизма. Отнесение в работе норм нравственности к корпоративным источникам права лишь частично выправляет положение, скорее обостряя вопрос о духовно-нравственном наполнении права и сохраняющемся нравственном нейтралитете публичной власти.

2. Оправданно выдвигая право собственности в качестве центрального элемента всей системы конституционно-правового статуса личности, автор делает это только в отношении частной собственности (п. 6 положений, вынесенных на защиту). Вероятно, для классического либерализма это и верно. Но применительно к традиционно российскому правопониманию напрашивается придание аналогичной роли для кооперативной (артельной) или коллективной собственности, обойденных автором молчанием. Между тем, предлагаемая автором конституционная модернизация понятия имущества должна охватывать и эти виды собственности. Соответствующее предложение дополнить ст. 35 Конституции РФ, верное по смыслу, всё же имеет технический характер и может

быть заменено закреплением в законодательстве. Тем более, спорным является п. 16 положений, вынесенных на защиту, в котором автор предлагает включить в Конституцию РФ норму: «1. Право на частную собственность и на наследование гарантировано. 2. Социальная функция этих прав ограничивает их содержание в соответствии с законами». Вторая часть предлагаемой поправки содержит весьма мутный ограничитель конституционной нормы законодательством, но и первая не может вызывать одобрения, ибо сразу посягает на ч. 2 ст. 8 Конституции РФ о равной защите всех видов собственности.

3. Как следует понимать однозначное утверждение автора, что принципы, формирующие основы экономической системы в структуре конституционного строя Российской Федерации, обладают аксиологическим и нормативным приоритетом (п. 8 положений, вынесенных на защиту)? Это что, объявление сакральным марксовского экономического детерминизма? С таким пониманием приоритетов совершенно нельзя согласиться. Всем технологическим революциям предшествует революция в правосознании, а следовательно, и экономическая система должна основываться на чётко определенном духовно-нравственном мировоззрении.

4. В работе активно используется категория «надпозитивное право», которая связывается с нравственными и религиозными истоками правового регулирования и, в частности, с положениями ст. 67.1 и 75.1 Конституции РФ. Однако остаётся недостаточно прояснённым, каким образом в рамках светского государства (ст. 14 Конституции РФ) проводится различие между «надпозитивными» принципами справедливости, добра и солидарности, с одной стороны, и конкретными религиозными догмами – с другой. Не создаёт ли введение в научный оборот «надпозитивного права» в его широком, ценностно-насыщенном понимании риска подмены формально-юридических критериев конституционности неопределёнными морально-религиозными установками? Иными словами: какова иерархия между позитивным законом, нравственным императивом и религиозной нормой в случае их потенциального конфликта, и какие процессуальные механизмы исключают произвольное толкование «надпозитивных» начал правоприменителем?

5. В диссертации обосновывается диалектическая природа неизменяемости конституционных принципов, закреплённых в главе 1 Основного Закона: статичность наименования сочетается с динамичностью содержания. Эта идея заслуживает внимания, однако она порождает вопрос о границах такой «содержательной эволюции» применительно к ключевым принципам, в частности к ст. 2 Конституции РФ, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью. Если через конституционные поправки (например, ст. 67.1) и судебное толкование в правовой порядок вводятся коллективные (государственные,

общенациональные) ценности, то не происходит ли постепенной эрозии ядра самого принципа? Оставляя в стороне вопрос о соответствии этого конкретного принципа национальным архетипам, где находится тот предел, за которым динамика содержания фактически отменяет первоначальное нормативное значение принципа, и кто – Конституционный Суд или законодатель – обладает полномочием определять этот предел? Представляется необходимым конкретизировать предложенный в диссертации критерий «недопустимости умаления существа конституционного права» применительно к принципам главы 1, многие из которых «вечными» далеко не являются. Как необходимо соотнести конституционные новации 2020 г., нормы гл. 1 с принципами и ценностями, закрепленными в Преамбуле Конституции РФ? Тем более, что существуют ценности, которые не ниже прав и свобод человека, это святыни, вера, Отечество.

6. В работе подчёркивается возрастающая роль институтов гражданского общества, в том числе их способность вырабатывать корпоративные нормы (уставы, кодексы этики), которые обогащают правовое регулирование нравственными началами и способствуют реализации принципов социального государства. Вместе с тем, анализируя правовые позиции Конституционного Суда РФ, диссертант, не приводит примеров, где Суд непосредственно опирался бы на такие корпоративные акты как на основание для изменения или конкретизации законодательства. Не является ли предлагаемая модель «духовно-нравственно-правового подхода» в части влияния общественных объединений на конституционно-правовое регулирование преимущественно декларативной, а не судебной-применимой реальностью? Если такие прецеденты существуют, то их следовало указать; если нет – то каковы правовые механизмы трансформации корпоративных нравственных норм в общеобязательные требования, обеспеченные государственным принуждением?

7. Автором убедительно показана структурно-текстуальная асимметрия в закреплении принципов конституционного строя: разный уровень нормативной определённости, разная архитектура расположения, динамический характер содержания. Однако в работе, на наш взгляд, остался в тени ещё один аспект – разный уровень судебной защиты этих принципов. Одни принципы (например, ст. 19 – равенство всех перед законом и судом) непосредственно применяются судами, другие (например, отдельные элементы ст. 7 – социальное государство) долгое время рассматривались как программные, не порождающие конкретных субъективных прав. В связи с этим вопрос: можно ли обжаловать в Конституционном Суде РФ нарушение принципа социального государства как такового (например, отказ законодателя от индексации пенсий) без привязки к конкретной норме конституционного права (ст. 39)? Иными словами, является ли ст. 7 Конституции РФ непосредственно действующим основанием для иска, и если

да, то какие критерии позволяют отличить конституционно значимое нарушение принципа от обычного законодательного усмотрения в социальной сфере?

8. Поправки 2020 года закрепили в ст. 75.1 Конституции РФ принцип солидарности поколений как основу пенсионного обеспечения. При этом, как диссертант справедливо отмечает, проведенная в 2018–2020 гг. реформа пенсионной системы (повышение пенсионного возраста) стала серьезным вызовом для восприятия этой солидарности в обществе. В диссертации не в полной мере раскрыто, каким образом конституционно-правовой принцип солидарности поколений может ограничивать законодателя в долгосрочной перспективе. Может ли Конституционный Суд РФ признать неконституционным закон, который, по мнению заявителей, разрывает межпоколенческий трансферт (например, замораживает накопительную часть пенсии, изменяет условия назначения досрочных пенсий или перераспределяет страховые взносы в пользу текущих пенсионеров в ущерб будущим)? Какие критерии «справедливости» и «соразмерности» применимы для оценки подобных мер, и существует ли в российской конституционной доктрине понятие «защиты правомерных ожиданий» применительно к межпоколенческим отношениям?

9. В предлагаемых институциональных механизмах, направленных на защиту человека от технократической редукции во всех сферах отношений, автор не избежал влияния привнесенных с Запада клише. Не нужен в России «омбудсмен», нужен Защитник или Правозащитник по этике ИИ и алгоритмов. Как не может не беспокоить предлагаемое автором формирование «живого права» через прецеденты. Впрочем, использование этого термина Председателем Конституционного суда РФ беспокоит ещё больше.

Высказанные замечания носят, безусловно, дискуссионный характер, что свидетельствует о том, что автор в своем исследовании затрагивает проблемы исключительной актуальности, единого мнения по которым в юридической науке еще не сложилось.

8. Заключение

Диссертационное исследование Саудаханова Марата Вильдановича на тему: «Человек в социальном и экономическом строе России: конституционно-правовое исследование» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы – разработана концепция конституционно-правового механизма развития социальной солидарности в социально-экономическом строе России в рамках обновленной модели социального государства, где центральное место занимает человек, с учетом духовно-нравственных ценностей, воздействия надпозитивного права и вызовов

технократической трансформации государственности – имеющей важное значение для развития конституционного права России.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, согласно п. 2.1 раздела II (докторская) Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН (протокол № УС-1 от 22.01.2024 г.), а её автор, **Саудаханов Марат Вильданович**, несомненно заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ,

доктор юридических наук, профессор,

Главный научный сотрудник сектора Конституционного права и конституционной юстиции, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, иностранный член Академии наук Абхазии, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики

С.Н. Бабурин

«21» июля 2026 г.

Сведения об организации:

ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук,

сектор Конституционного права и конституционной юстиции

Почтовый адрес: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д.10

Телефон: +7 (495) 691-33-81

E-mail: igpran@igpran.ru

